

Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92).
Political Linguistics. 2022. No 2 (92).

УДК 811.161.1'42:821.161.1

ББК ШП41.12-51+ШЗ3(2Рос=Рус)64

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55; 17.82.32

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19 (5.9.5; 5.9.8)

Наталья Александровна Купина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
natalia_kupina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

Позднесоветская повседневность глазами очевидцев: уроки прошлого

АННОТАЦИЯ. В статье на материале сборника «Без очереди. Сцены советской жизни в рассказах современных писателей» (М., 2021) исследуется сверхтекст, объединенный категориями времени, пространства, а также точкой зрения автора-очевидца. Отсутствие художественной условности, стратегическая установка на темпоральность обуславливают достоверность репродуцированной в очерковых рассказах позднесоветской повседневности. В процессе лингвоаксиологического анализа описаны вербальные знаки сверхтекстового хронотопа; охарактеризованы особенности вербализации сквозной оппозиции «раньше (в советское время) — теперь (в наши дни)»; отмечены приметы демифологизации фундаментальных идеологем всеобщего равенства и коммунистического будущего. Специальный предмет анализа — «биографические высказывания о жизни» (М. М. Бахтин), включенные в текст реального позднесоветского времени. Выявлены реляционные и таксономические идентификаторы, конкретизирующие авторское я и обнаруживающие незыблемость семьи как базовой общенациональной ценности. Особое развитие в пространстве сверхтекста получают отраженные в биографических высказываниях предметные темы пионерского детства и комсомольской юности. Обнаруживается степень влияния политических технологий сдерживания на становление и развитие личности. Установлено, что идеологические догмы советской политической системы не выдержали конкуренции с константами исторически сложившейся национальной культуры. В ряду опорных ценностей — внутрисемейная близость, дружба, единение людей, близких по духу, готовность к преодолению трудностей жизни духовными усилиями, общий язык, свобода живого слова, литературоцентризм, право на персональный аксиологический выбор, способность к сопротивлению. Формулируется вывод об актуальности разработки проекта общероссийской государственной политики, устремленной к демифологизированному будущему, на основе непротиворечивой типологии вербализованных национальных ценностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиологический выбор, биографические высказывания, государственная политика, константа культуры, политические события, сверхтекст, советская повседневность, русские писатели, советская идеология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Купина, Н. А. Позднесоветская повседневность глазами очевидцев: уроки прошлого / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 2 (92). — С. 42-51.

Nataliya A. Kupina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
natalia_kupina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

Late Soviet Everyday Life Through the Witnesses' Eyes: Lessons From the Past

ABSTRACT. Based on the material of the collection “Jumping the Queue. Scenes of Soviet Life in the Short Stories of Contemporary Writers” (Moscow, 2021), the article studies the supertext united by the categories of time, space, and the point of view of the author-eyewitness. The absence of artistic convention and the strategic focus on temporality determine the authenticity of the late Soviet everyday life reproduced in sketch stories. Within the linguoaxiological analysis, the article describes the verbal signs of the supertextual chronotope, characterizes the features of the verbalization of the cross-cutting opposition “earlier (in Soviet times) — now (today)”, and notes the signs of demythologization of the fundamental ideologemes of universal equality and communist future. The analysis specially focuses on the “biographical speculations about life” (M. M. Bakhtin), included in the text of the real late Soviet period. The author discovers the relational and taxonomic identifiers that specify the author’s Ego and reveal the inviolability of the family as a basic national value. The topics of Pioneer childhood and Komsomol youth, reflected in biographical utterances are especially popular in the space of the supertext. The author reveals the efficacy of restraining political technologies in the formation and development of the individual. It has been found that the ideological dogmas of the Soviet political system were not able to withstand competition with the constants of the historically established national culture. The basic values include close intra-family relationships, friendship, unity of people who are close in spirit, readiness to overcome the difficulties of life by spiritual efforts, common language, freedom of living speech, literature-centrism, right to personal axiological choice, and ability to resist. The author formulates a conclusion about the urgency of developing a draft Russian state policy, oriented towards a non-mythologized future and based on a consistent typology of national verbalized values.

KEYWORDS: *axiological choice, biographical speculations, state policy, cultural constant, political events, supertext, Soviet everyday life, Russian writers, Soviet ideology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kupina Nataliya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kupina N. A. (2022). Late Soviet Everyday Life Through the Witnesses' Eyes: Lessons From the Past. In Political Linguistics. No 2 (92), pp. 42-51. (In Russ.).*

*И прожитому я провел черту,
Жизнь разделив на эту и на ту,
И полужизни опыт подытожив...*
Олег Чухонцев

Более 30 лет прошло после распада СССР, но все еще не утратили свою остроту вопросы о специфике советской цивилизации и феномене советского человека. Приведем два суждения: «Нужно писать историю на основе живой памяти» [Марков 2016: 22]; «Как ни странно, менее всего осознают особенности своего времени его обитатели. Нам не дано понять суть настоящего, не выйдя, пусть даже мысленно, за его пределы» [Неклесса 2000: 186]. Представляется, что свидетельства «обитателей времени» о событиях, вошедших в историю или же подготавливающих социальные катаклизмы, — пусть не единственный, но необходимый материал для осмысления прошлого, оставившего неизгладимый след в общественном сознании.

В статье как единый свертхтекст анализируются очерковые рассказы современных писателей, включенные в сборник «Без очереди...» (2021). Свертхтекст объединен хронотопом и коллективной точкой зрения автора-очевидца. При отсутствии художественной условности формируется «субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее» отношение к реальной действительности [Солганик 2010: 31] в реальном времени. Сигналы пространства — топонимы — географические названия городов и населенных пунктов Советского Союза: *Москва, Ленинград, Киев, Кишинев, Ташкент, Свердловск, Владивосток, Уссурийск, Артем, Юшино* и др. Достоверно воспроизводится внутригородской ономастикон. Например: *Наша школа находилась в самом центре Москвы, на пересечении проспекта Калинина и Садового кольца. <...> Она (Нadia Гріднева) жила в одном из подвалов Проточки — так назывался Проточный переулок, который упирался одним концом в Москву-реку, а другим — в Садовое кольцо*

(Н. Громова, с. 235—236)¹. Ср. краткую информацию о поселке, *имя которому — Артем ГРЭС: Тут вообще все имени Кирова. Дом культуры имени Кирова. Главная улица Кирова. Школа Кирова* (В. Снеговский, с. 261—262).

Сцены жизни включены в границы позднесоветского времени. Типичные сочетания: *в конце 60-х, в начале 70-х, в середине 80-х*. Распространены оценочные темпоральные высказывания: *70-е годы, время нашей студенческой молодости, нашего “будем веселы” вообще-то было совсем невеселым* (Е. Бунимович, с. 85); *80-е годы были просто чудовищными по скуке. <...> Вроде бы ожидалось перемены... — вместо этого было лишь долгое ожидание автобуса на остановке* (В. Попов, с. 435).

Темпоральный сигнал маркирует политическое событие государственной важности: *Это был 1967-й — год пятидесятилетия Октябрьской революции. Именно в этот момент был необходим старт нового космического корабля...* (И. Цыбин, с. 335). Аксиологическую значимость приобретает безобразная образность: *А утром с удивлением созерцал тотальный балет по трем еще доступным старому черно-белому телевизору каналам. Затем мой маленький радиоприемник сообщил, что у нас путч — и о неизвестном положении Горбачева* (М. Бутов, с. 361). Несмотря на отсутствие точной даты, опознаваемые вербальные знаки (*тотальный балет, путч*) указывают на судьбоносный государственный переворот (19 августа 1991 г.).

Выделяются внешнеполитические события, непосредственно связанные с жизнью частной, оказывающие на нее влияние. Отдельные примеры: *<...> времена после чеш-*

¹ Извлечения из анализируемого сборника рассказов передаются светлым курсивом. Сохраняется орфография и пунктуация источника. Как в базовом источнике, так и в тексте статьи используются, наряду с угловыми кавычками, так называемые «кавычки-запятые».

ских событий 1968 года ужесточились и гайки подкрутили (М. Попова, с. 277); <...> военный переворот в Чили в сентябре 1973-го. Вроде бы на другом краю Земли. Но чилийские студенты были друзьями-приятелями, <...> свободные, темпераментные, веселые (Е. Бунимович, с. 86); Обстоятельства были таковы: девять часов утра, весна, 1988-й, война в Афганистане и направление на обследование из военкомата (А. Филимонов, с. 441).

Событийным оказывается отрезок времени, запомнившийся возможностью приобретения «импорта»: <...> это уже было время, когда в продаже появились югославские гарнитуры (Н. Зимянина, с. 152). Развитие сквозной предметной темы нехватки отечественных и импортных «товаров народного потребления» позволяет судить о том, что, несмотря на многочисленные резолюции ЦК КПСС [См.: Мокиенко, Никитина 1998: 602], их производство не удовлетворяло спрос населения. Последнее свидетельствует о неэффективности плановой экономики.

Стратегически заданная «общая ориентация на темпоральный критерий» [Ильенко 2003: 508] составляет основу коллективной идентичности автора-очевидца: *Мы родом оттуда, из того времени* (Д. Воденников, с. 487). Словосочетание *советское время* употребляется как устойчивое. Варианты: *советские времена, советская эпоха*. Изображаемые фрагменты действительности отличаются достоверностью, а сверхтекст в целом следует отнести к «литературе свидетельства» [Сухих 2013: 19].

Сцены советской жизни воспроизводятся с опорой на ближайшую ретроспективу, обеспечивающую высокий уровень обобщения в целом: советское время регулярно маркируется коллективным ощущением дефицита: <...> в магазинах в советское время ничего хорошего не было, или было, но с очередями, или было, но в другом городе (Т. Толстая, с. 69). Вместе с тем фиксируется реализация государственной установки на развитие промышленности: *Поверить сегодня в это невозможно, но в крошечном Артеме в советское время работало с десятков фабрик и заводов, среди которых не только всякие цементы и бетоны, но также ковровое производство, производство хрусталя, фарфора, трикотажа и даже фабрика пианино, на которой выпускали знаменитое пианино “Приморье”* (В. Снеговский, с. 264). Сквозной является оппозиция *раньше* (тогда) — *теперь* (сегодня), которая конкретизируется приметами повседневности и позволяет четко установить «хроноло-

гические рамки»: советская или постсоветская эпоха [Чудинов 2006: 29]: <...> советские времена были не слишком удобные в смысле купить что-нибудь из выпивки. Это теперь полнейший ассортимент на каждом углу, семь дней в неделю, до одиннадцати вечера (Д. Драгунский, с. 65); В эпоху социализма практика перешива и перелицовки старинных дореволюционных вещей была очень распространена. В моей коллекции исторического костюма хранится платье... знаменитой Изабеллы Юрьевой. Оно было перешито в 1937 году из платья, созданного еще до начала Первой мировой войны (А. Васильев, с. 112).

Зарисовки сцен репродуцированного текущего момента позволяют осмыслить специфику советской цивилизации с учетом того, что «в понятие цивилизации входит и быт, и психология людей, и государственный строй, и политика...» [Синявский 2001: 159—160], и литература, и искусство. Распад Советского Союза обрушил фундаментальные основы идеологии и бытия, не задев аксиологические константы национальной культуры. Раньше советская страна была пролетарским государством. На всей ее огромной территории в почете были рабочие профессии; сегодня люди рабочих профессий нередко вынуждены находить способы выживания — особенно в бывших союзных республиках, ставших *отдельными странами*. На окраине одной из этих азиатских стран, в небольшом рабочем поселке, в советское время *каждый мужчина был горняк. Добывал руду и жил не хлебом единым*. В памяти старожилов сохранились песни Владимира Высоцкого — *Владимирэсеменычы* — его концерт для горняков. Собравшись вместе, они вспоминают этот неповторимый концерт, а *мужчина с гитарой исполняет «Гимн шахтеров»* (Р. Сенчин, с. 475), созданный Высоцким на русском языке, объединявшем многонациональную страну. Российский журналист *Стеблин*, воспринимавший Высоцкого как поэта, *творившего вопреки* официальным идеологическим установкам, впервые понял, что «искусство принадлежало народу», а *инакомыслящий* Высоцкий был еще и *советским поэтом*. Сегодня востребованы и советские песни, адресованные людям труда, и песни протеста: они *соединяют не только тех, кто вырос в Советском Союзе, но и их детей, их внуков, <...> давно живущих по-разному, разобщенно* (там же, с. 477). Культурное наследие советской эпохи, включающее и авторскую, и массовую песню [См.: Чередниченко 1994], — общее достояние бывших советских граждан, ставших гражданами разных стран.

Нейтрализации темпоральной оппозиции *раньше — теперь* способствует восприятие взаимосвязи формы и культурно-фонового содержания, связанного с политикой репрессий: *По ясному небу над новоявленной десятиэтажкой... парила по-нездешнему крупная серая птица с широкими сизыми крыльями с красным отливом. Она сделала круг над сквером, завернула к реке и пролетела над Домом-пулей, в котором раньше сидел КГБ, а теперь сидело МВД* (Е. Некрасова, с. 463—464). Денотативный и аксиологический смысл аббревиатур, символический образ *серой птицы* активизируют культурно-историческую память: формируется смысловая переключка: *сидеть* — «Занимать должность в силовых структурах», «находиться при исполнении... обязанностей»; *сидеть* — «находиться в заключении, содержаться... в тюрьме» [См.: ТСУ 1940, т. 1: 174]. В динамическом темпоральном контексте конкретизируется вытекающее из наблюдений обобщение: *Всё по-прежнему* (Е. Некрасова, с. 464).

Советское время трактуется в целом как вялотекущее: *Вот весь круг советского человека. Смена времен года. Ничего не происходит, происходит только зима и весна. Оттепель (включая политическую), потом снова сон. Жизнь в СССР была как будто призрачной. При всей закреплённости (пропиской, работой, телевизором, местом в очереди) — всё как в тумане* (Д. Веденников, с. 483). *Призрачным* было и светлое коммунистическое будущее, к которому, как вещала государственная пропаганда, всё очевиднее приближалось настоящее: *К советскому завтра долгие годы были протянуты питательные трубки коммунистической идеи. Пусть не сегодня, пусть не сейчас, <...> будет каждому хлеб да вино, почет и уважение, звездолет да лунная станция* (Д. Захаров, с. 415).

Установка на достоверность обуславливает активность «биографических высказываний о жизни» [Бахтин 1979: 144], выдвигающих на первый план читательского восприятия точку зрения рассказчика. Авторское я конкретизируется с помощью прямых и косвенных идентификаторов — «реляционных», «таксономических», «характеризующих» [Арутюнова 1999: 8]. Реляционные идентификаторы в высказываниях с местоимением *я*, занимающим позицию субъекта, обнаруживают незыблемость семьи как базовой ценности — константы «ментального мира человека» [Степанов 2001: 43].

Именно семья формирует основы менталитета — «набора специфических когнитивных, эмотивных, поведенческих стерео-

типов» [Антология концептов 2007: 11]. Термины родства складываются в поле. В речевой структуре сверхтекста они оказываются взаимосвязанными. Например, сын (студент-гуманитарий), принимающий на военных сборах присягу, интуитивно ощущает мысли и чувства отца, бывшего офицера, для которого присяга была символом коллективных руководящих идей. Молодым человеком догмы и ритуалы воспринимаются иронически: *<...> Я переживал оттого, что на церемонию приехал из Москвы мой папа... В его сознании присяга сына была жизненной вехой, может быть, даже более важной, чем для меня. <...> Я видел, как, вытягивая голову, он ищет меня среди марширующих лингвистов, мне сделалось ужасно неловко. Каково ему будет узнать, что его чадо не умеет ходить строем* (А. Варламов, с. 97). Любящий сын понимает, но не принимает бесспорные для отца императивы: «*быть как все*»; «*шагать/ходить строем*». Юноша интуитивно стремится вырваться из общей массы. При этом персонализм не трансформируется в эгоцентризм.

Чувство родства не подвержено политическим установкам. Частотность в сверхтексте приобретают сочетания с притяжательным местоимением: *моя бабушка, моя любимая мама, мой брат, моя семья, мой папа*. Не сглаживаются «гендерные стереотипы, отражающие нормы распределения ролей в семье» [Иссерс 2012: 202]. Главой семьи остается отец. В то же время, если отец был «чуждым элементом», дети скрывали род его занятий. Иногда сын, как, например, *Мишка-негр*, ничего не знал о своем отце, который, как можно предположить, *жил в Анголе, был спортсменом и принимал участие в Олимпиаде в 1980 году* (С. Шаргунов, с. 396). Его друг, сосед по даче, с пониманием воспринимает отсутствие коммуникативной откровенности: *Мишка не говорил мне, кто его папа. Я тоже скрывал от посторонних, что мой папа священник, наученный этому дома, и всегда говорил: "Переводчик"* (там же). Разумеется, *гонения на церковь в годы атеизма* (В. Снеговский, с. 264) исключали священника из круга «настоящих советских людей», исповедующих марксизм как «единственную альтернативную религию» [Мокиенко, Никитина 1998: 398]. Реляционный идентификатор *сын священника* автоматически исключал подростка из круга «своих».

Профессия отца, его достижения нередко определяли выбор жизненного пути детьми, которые должны были стать такими, как папа: *Папы всего добивались сами, трудно, с азартом продираясь среди чужих, и те-*

перь стремились своим девочкам участь облежить» (Е. Колина, с. 223). Формируется узнаваемый лингвокультурный типаж — «обобщенный образ представителя» главы семьи [Карасик 2010: 6], целенаправленно внедряющего в сознание дочери, сына идею безальтернативного выбора профессии: Папа-художник говорил «рисуй!», папа профессор математики — «решай задачу!», а моя подруга с трех лет учила французский, ее папа — профессор филфака (Е. Колина, с. 223). Действовал папа из лучших побуждений: *Чтобы защитить дочек от недоброжелательной внешней среды, развитого социализма, злых чужих, чтобы дочери в их профессиональной жизни не продирались, не спотыкались, а были свои* (там же). Отец устраивал дочь или сына в организацию, где пользовался непререкаемым авторитетом. Та (тот), в свою очередь, брала на вооружение установки отца. На работе возникали «отношения семейственности», «основанные на предпочтении и поблажках, оказываемых по родственным связям» [СРЯ 1984, т. 4: 74]. Лексема *семейственность* в наши дни перемещается в пассивный запас языка. Характерно, что в отмеченном словаре в качестве типового приводится сочетание *борьба с семейственностью*, отражающее официальное неприятие подобных отношений. В рассказе «Свои — чужие, или Папины дочки» Е. Колина дочь математика, доктора наук, повествует о выбранном для нее отцом поэтапном поприще: *После детского сада школа, а после института аспирантура — такой был путь. В финале звание кандидата наук...* (там же, с. 226) и работа у папы в «Техноложке». В ситуации борьбы с семейственностью отец, устраивая дочь или сына на работу в организацию, где занимал руководящую должность, шел на риск. Побеждали родственные чувства.

«Биографические высказывания», включающие реляционные идентификаторы, опровергают миф о всеобщем равенстве, свидетельствуя о том, что привилегиями пользовались дети высокопоставленных, прежде всего партийных, работников: *В 1976 году я как дочь главного редактора “Правды” лежала на сохранении в палате на четверых, хотя соседи говорили, что это рай по сравнению с “городом”. Папу выбрали секретарем ЦК КПСС. Жизнь поменялась в одну минуту* (Н. Зимянина, с. 139). Как по волшебству, дочь секретаря получила место в отдельной палате и персональный телефон. Вскоре в ее распоряжении оказалась госдача, параллельно — кремлевские разносолы, модные вещи, особые льготы (там же, с. 142, 144, 145).

Взгляд изнутри свидетельствует о том, что и в высших партийных кругах нет никакой демократии: *На первом месте по важности стоял Генеральный секретарь и вся его семья, включая двоюродную и т. д. родню. Затем шли члены Политбюро с челядью, дальше — кандидаты в члены, а уж потом — секретари ЦК КПСС, их жены и дети. То есть я, —* говорит о себе автор, *— стояла в самом низу иерархической кремлевской лестницы. А мама, когда ей не доставалось какой-нибудь хорошей вещицы из распределителя, которую она видела на других женах, в шутку вздыхала и с приторной обидой говорила: «Ну, мы же там у них двадцатые»* (Н. Зимянина, с. 142). Лексема *распределитель*, ставшая новоисторизмом, обозначала «магазин дефицитных товаров по низким ценам для сотрудников ЦК КПСС в Кремле» [Мокиенко, Никитина 1998: 513]. Как видим, даже в спецмагазинах ощущалась нехватка модной одежды, которая нередко доставалась лишь избранным — таким, как, например, *Галина Леонидовна Брежнева*, дочь генсека. В большинстве своем папины сынки, папины дочки могли воспользоваться служебным положением отца и в профессиональной деятельности, и в быту.

Аксиологическую значимость приобретает ответ на вопрос: *Что наши папы, все папы, оставили нам в наследство? Не диссертации, не членство в Союзе художников, не ощущение, что ты среди своих, как в пуховой перине, а любовь, чувство защищенности, поглощенность работой как способ жизни и всегдашнюю, не проговоренную словами мысль, что если ты что-то делаешь для людей, значит, не зря ты живешь* (Е. Колина, с. 231). Акротеза позволяет сделать вывод о том, что представители младшего поколения «ответственно начинают ценностно-смысловой ряд своей жизни» [Бахтин 1979: 156], наследуя базовые аксиологические предпочтения отцов, не зависящие от официальной политики. Глубинная связь между отцами и детьми имеет ментально-специфические основания.

С осознанием собственного я, включенного в проживаемое время, связана самоидентификация и собственно авторская рефлексия, предполагающая «ощущение временного отступа от описываемых событий» [Михеев 2007: 6—7]. В языковой картине мира закреплено естественное ощущение аксиологической значимости места рождения: *киевлянин, саратовец, ленинградец, москвич* (ср. также *горожане — деревенские, столичные жители — провинциалы*). Москвичам деревня казалась другой плане-

той. Типичный пример: *московская девочка, по зову сердца оказавшаяся в глубинке (Брянская область, Севский район, село Юшино — Е. Холмогорова, с. 121), вспоминает о жизни сельчан, которые несли воду из колодца на коромысле, зажигали после заката керосиновую лампу-семилинейку, гремели молочными бидонами, вынимали ухватами картошку из печи* (там же, с. 136). Достоверность изображаемого обеспечивают бытовизмы. Не «шиковали» и горожане, воспринимая как норму стесненные квартирные условия, ибо «трудности и тяжести бытия сопровождали каждую семью и каждого человека» [Лебедева 2011: 208]: *Жили все в одной комнате — нормальная семья в три-четыре-пять человек, или в двух — но это уже человек семь-восемь. При этом никакого деления на спальни и гостиные даже в том случае, если семья занимала больше одной комнаты, не бывало — всюду и спали, и ели, и писали статьи «Банкротство империалистической псевдокультуры»* (А. Кабаков, с. 24). Ирония понятна: «квартирный вопрос» не подавлял актуальности борьбы с «гнилым империализмом» — и в этом одна из особенностей советского человека, взявшего на вооружение «проповедь торжества духовных идеалов над материальными» [Вайль, Генис 2001: 181].

Ощущением укорененности в жизнь родного города обусловлена групповая идентичность. Обобщенный образ малой родины неразрывно связан с детством: *В шахтерском городе <...> Артеме я родился и вырос, ходил в детский сад “Уголек”, а потом еще в среднюю школу № 3* (В. Снеговский, с. 257). *Город детства*, который в XXI веке производит удручающее впечатление, вспоминается не без ностальгии. В памяти всплывают *Дворец культуры угольщиков* (в советское время угольщики тянулись к высокому, потому для них и отстроили соответствующий дворец, который должен был выполнять функции очага культуры). *<...> В детстве я сюда ходил с мамой на елку и на детские спектакли* (там же). Облик города воспроизводится с позиций нашего современника: *Одно время маленький Артем “украшали” сразу три памятника Ленину. Возле памятника в городском парке принимали в пионеры. Юные пионеры клялись быть готовыми к борьбе за дело коммунистической партии* (там же, с. 258), а повзрослев, включались в борьбу с памятниками: *Сначала на постаменте появилась надпись “Ленин — гений зла”. Потом кто-то закрасил “зла” известкой, оставив “Ленин — гений”. В конечном итоге Ленину размозжили голову кувалдой, восстановле-*

нию он не подлежал и вскоре был демонтирован (там же, с. 259). Отметим, что десакрализация идеологемы вождизма продолжается в наши дни. Очевидные приметы вульгаризации имени «вождя мирового пролетариата» соседствуют с попытками аналитического осмысления роли личности Ленина в истории [См.: Краус 2011].

В атеистическом шахтерском городе, как свидетельствует его уроженец, люди *полуподпольно крестили детей и отпевали усопших, несмотря на отсутствие храма. Обряды совершал седовласый батюшка. Он был бывшим шахтером, круто изменившим в 50-х годах свою жизнь, посвятив ее служению Господу* (В. Снеговский, с. 265). Сформированный советской политической машиной «как непосредственный ее элемент», человек в исключительных случаях переставал быть «винтиком», проявляя «особый характер, особые черты поведения» [Резанова 2011: 111] — но не общего, а индивидуального.

Топонимы, в том числе неофициальные, маркируют исключительность закрытого города: *Город Железногорск. Он же Красноярск-26, он же Девятка, он же Контора № 9, моя малая родина* (Д. Захаров, с. 420). Символический образ колючей проволоки мотивирует отношение жителей к вынужденной изоляции: *Колючая проволока по периметру — здесь ее зовут “зона”, — КПП и герб с медведем, разрывающим атомное ядро. Здесь все атомщики...* (там же). С точки зрения повествователя, *самая очевидная метафора долгой счастливой жизни за забором из колючей проволоки... — это в самом заборе дыра, через которую местные заводят приезжих родственников или пролезают сами, когда забыли пропуск* (там же, с. 420—421). Государство, породившее закрытые города-«ящики», само превратилось в ящик с дырами.

Позволим себе небольшое отступление: в начале 2022 года в специальном приложении «Российской газеты», адресованном массовому читателю, передается актуальная информация: *В Свердловской области четыре территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), две из которых — закрытые “атомные” города Новоуральск и Лесной. <...> Градообразующие предприятия “атомных” городов не скрывают заинтересованности в развитии по соседству с ними неядерного бизнеса* (Экономика Уральского округа. 13.01.22). Как видим, наследие советского режима живет, но не побеждает. Предпринимательство, приносящее прибыль, — основа современной российской экономики —

в советское время воспринималось как не соответствующее марксистско-ленинской доктрине. Словарное толкование: *бизнес* — «Деловое предприятие, легкая афера и т. п. как источник личного обогащения, наживы» [СРЯ 1981, т. 1: 89].

Вернемся к советскому атомному городу. Коренной житель (он же рассказчик) опровергает бытовавший в советское время миф о продовольственном изобилии, отсутствии дефицита и очередей в закрытых городах: *Я подхожу к хлебному — очередь вывалилась из дверей и топчет тротуар почти до перекрестка. Я встаю и проверяю ва-режку — в ней серо-зеленые бумажки. У нас в атомном Красноярск-26 талоны на хлеб. <...> Очередь ползет, и вот я уже поравнялся с табличкой “Три хлебобулочных изделия в одни руки”* (Д. Захаров, с. 418). Очередь — неизменная примета советской повседневности, «ставшая самым олицетворением советского быта» [Синявский 2001: 221]. Лексемы *дефицит*, *очередь*, а также *вещизм* обозначают взаимосвязанные понятия. Дефицит и очереди трактовались властями как «временные трудности». Сурово осуждался «вещизм» — «повышенный интерес к вещам, обладанию ими в ущерб духовным интересам» [Мокиенко, Никитина 1998: 80]. Сопrotивляясь официальной пропаганде, люди, в особенности молодежь, интуитивно стремились вырваться из обыденщины. *“Мемориальные” вещи (пальто носили... по двадцать лет — Л. Улицкая, с. 41; 40) тяготили. Замшевая вещица, кожаный пиджачок были недостижимой роскошью* (О. Вельчинская, с. 285). Вопреки *газетным обличениям “вещизма”* (А. Кабаков, с. 23), хотелось выглядеть броско, выбиться из серой массы. «Выездные» мамы и папы привозили и могли приобрести в валютной «Березке» *иностранное, австрийское, заграничное, импортное* (М. Попова, с. 271). *Джинсы Wrangler <...> с оранжевой, самой крутой, фирмочкой на кармане* (Е. Колина, с. 226) — это уже «стиль как вызов» [Гайда 2016: 19] и — параллельно — возможный выговор с занесением в личное дело по комсомольской линии. Оборотная сторона востребованности модной одежды — нелегальные мастерские. А. Генис вспоминает: *60-е еще не кончились, и мы старались походить на хиппи, о которых знали из журнала “Крокодил”. Волосы до плеч, кеды, разрисованные цветочками. Марис был в джинсах Lee, которые ему привез брат из загранки, я — в фальшивой майке Гарвардского университета, которую печатали в подпольной мастерской двоечники, допустившие в английской надписи две орфографические*

ошибки (с. 193). В начале 70-х образцы модной одежды тиражировали польские гляцевые журналы. Молодая женщина, которая *преподавала в художественной школе* (М. Попова, с. 276), знаток моды, проявив «идеологическую подготовленность», получает разрешение на поездку в Польшу *по личному приглашению*. Пусть *самопальная*, но эффектная одежда внушает ощущение собственной значительности: *Многие поляки привыкли к группам пугливых, не по моде одетых советских граждан, а тут я — в джинсах-клеш (самопальных, но с этикеткой Lee), в сногшибательных босоножках, которые мне соорудила моя талантливая однокурсница* (там же, с. 279). *Польша... поразила, <...> степень свободы там, особенно в сравнении с СССР, показалась бескрайней* (с. 280). «Накопление опыта очевидности» [Ильин 1994, т. 3: 500—501] позволяет понять, что возможность выбора внешней исключительности — лишь грань свободы в ее философском понимании [См.: М. Попова, с. 282]. Самостоятельный аксиологический выбор оказывается разным на разных этапах взросления и интеллектуального развития человека — его жизненного пути.

В анализируемом сверхтексте репродуцированы две *главы жизни* (Д. Быков, с. 497) — *пионерское детство и комсомольская юность*. «Пионер вступал в жизнь, сознавая уникальность своего положения. Он знал, что его родина — венец творения. <...> Сам пионер был частью эволюционной лестницы: октябренок — пионер — комсомолец — коммунист» [Вайль, Генис 2001: 113]. Юные пионеры воспитывались в духе коллективизма и коммунистической сознательности. В памяти рассказчиков остались красные галстуки, звуки горна, торжественные линейки. Сплоченность, готовность к взаимоподдержке проявлялась в походах (Е. Водолазкин, с. 165—167). Не без ностальгии вспоминается *дружба на длинной смене в пионерском лагере, когда за месяц успеваешь переселиться в чужую душу и сделать ее родной, и свою отдать успеваешь тоже — легко и страшно — как самую страшную тайну* (Г. Шульпяков, с. 388).

Яркая страница пионерского детства — переписка со сверстниками из ближнего зарубежья, которая нередко перерастала в длительную дружбу. Девочка Аня, выросшая в Свердловске, *примерная пионерка, стала завсегдатаем и чуть ли не главной активисткой КИДа* (А. Матвеева, с. 300) — Клуба интернациональной дружбы. Она выучила чешский язык и получила возможность переписываться с чешской, а затем и с болгарской ровесницами. Девочки стали подруга-

ми. Через много лет бывшая пионерка признается: *Я помню каждое присланное мне слово, помню все марки на конвертах — и даже почтовые штемпели* (там же, с. 311). Обобщая деятельность КИДов, венгерский исследователь отмечает, что они «воплощали в себе раннюю форму так называемой народной дипломатии» [Димеши 2021: 296] и получали правительственную поддержку [См. также: Куц 2010].

Школьники, наивно воспринимавшие мифы о «лучшей в мире стране», нередко сталкивались с *изнанкой светлого мира* (Н. Громова, с. 237). *Девочки из приличных семей*, живущие в центре столицы, с ужасом узнают о сексуальном насилии, страшной жизни в полуподвальном *Проточном переулке* (там же, с. 236). Чтобы забыть *сдавленный женский крик*, избавиться от картин мира, который *пугал и тревожил*, примерная пионерка, в свои *десять-одиннадцать лет пережившая страстную любовь к революционным комиссарам*, вдохновленная романтикой советской поэзии и прозы, самоотверженными подвигами героев, погрузилась в сочинение собственной поэмы — *“Повесть о первом коммунисте”* (там же, с. 239; 241). Главная идея — *подвижничество, посмертное следование за вождем* (с. 241). Поэма была воспринята учителями как политическая ошибка: — *Надо сообщить в РОНО. В детскую комнату милиции!* (с. 243) — восклицали наставники. Убедительно звучит совет учительницы Нели Григорьевны, не допустившей исключения девочки из школы: — *Я всегда знала, что твое увлечение “Смертью пионерки” до добра не доведет. Пушкина надо больше читать, Пушкина! Ишь диссидентка!* (с. 243—244). Рассказанная Н. Громоной история произошла в 70-е годы.

Вдумчивое чтение разрешенной и в особенности запрещенной литературы породило инакомыслие — диссидентство. Существительное *диссидент* «стало бранным» именно в 70-е годы [Мокиенко, Никитина 1998: 166]. Взгляд со стороны подтверждает, что «массовый интерес к литературе — русской и зарубежной — в советской стране был в своем роде единственным в истории человечества» [Краус 2021: 25]. Литературоцентризм советской культуры в значительной мере способствовал сохранению и активизации аксиологических констант, которые, в свою очередь, обусловили формирование «человека внутреннего» (Н. А. Бердяев). Типичный пример: старшеклассник, осознавший после смерти отца, что *самому придется принимать решения* (Г. Шулъяков, с. 384), погружается в чтение и изучение английского языка: *Книги были со мной все-*

гда, а вот английский, наконец-то выученный настолько, чтобы со-переживать героям книг, со-чувствовать, — захватывает меня полностью. Его мир — это формирующие осмысленность принимаемых жизненно важных решений *книги, передачи на коротких волнах* (там же, с. 385) и вольная музыка.

Не только старшеклассники, но и *юные университетские фаны* с восторгом *слушали бесконечных битлов*, а «фарцовщики» оперативно удовлетворяли спрос на магнитофонные пленки и пластинки (Е. Бунимович, с. 79). Увлечения роком, чтением «вредоносной» литературы не могли остановить даже *разбирательства на комсомольском собрании* (там же, с. 81). Студенты знали, что *исключение из комсомола означало автоматическое отчисление из университета, отправку в армию и соответствующее досье* (там же, с. 87), однако внутреннее противостояние идеологической лжи в последние десятилетия существования советской империи оказалось сильнее официальной пропаганды. Отторжение вызывали *туалетные рулоны фраз, среди которых нет ни одного живого слова* (Г. Шулъяков, с. 384—385).

Живое слово звучало в авторской песне, в стихах молодых поэтов, собиравших стадионы. «Отрицаемые явления неофициальной культуры загонялись в подполье, подобно “врагам народа”, которые загонялись в лагерь» [Гюнтер 2000: 9]. Один из активистов московского подполья свидетельствует: *В позднем СССР главной формой общественной самоорганизации были кружки, театральные студии, минисекты, клубы, литобъединения — в общем, тайные или полуполевые сборища единомышленников* (Д. Быков, с. 493). Разрушал принцип партийности самиздат [Русина 2019]. Расшатывались каноны соцреализма. Кипела интеллектуальная жизнь, охваченная нелегальной свободой живого слова. Например: *В совете “Ровесников” (1982—1984) — клубе журналистов-школьников при детской редакции радиовещания... — свободно обсуждался Бродский* (Д. Быков, с. 494), а несколько позже на журфаке МГУ *усилиями Засурского создавалась весьма вольная атмосфера — более вольная, чем в первые годы перестройки* (там же, с. 496). В свертхтексте запечатлены имена «проклятых поэтов» (В. Коркия, С. Чудаков, В. Антонов, А. Дидуров). Их творчество ждет специальных исследований современных филологов.

Талантливых поэтов и прозаиков (некоторые из них, подобно И. Бродскому, были объявлены «тунеядцами») вспоминает Ва-

лерий Попов. В ряду «чуждых по духу» *гениальный поэт Олег Григорьев* (с. 426); *лучезарный поэт Володя Уфлянд* (с. 427) — *стихов Уфлянда не напечатано было ни строчки* (с. 429); *блистательный и неутомный Виктор Голявкин — писал... упрямые, звонкие и совершенные рассказы. При этом печатать их никто не хотел* (с. 433); *буйный Глеб Горбовский* (с. 435). «Проклятых поэтов» и писателей не признавали официально, но их поддерживали истинные ценители неподцензурной ленинградской словесности, составляющие *неповторимую творческую среду той эпохи* (с. 432). Звучит надежда на возвращение протестных страниц советской литературы: *Пора вынуть затычки из ушей, снова услышать те вольные голоса и <...> снять с этого времени и авторов флер неудачи, провала* (с. 437). Вернуть забытые и неизвестные имена — задача осуществимая. Но можно ли вернуть свободную атмосферу неформальных объединений, поддерживающих и формирующих самобытных творцов? Согласимся с Д. Быковым: *Россия не очень хороша производит товары, но гениально плодит среды* (с. 512), необходимые для человека творческого.

Непраздным является вопрос: — *Что бы... забрать оттуда?* (М. Бутов, с. 362). Уроки прошлого до настоящего момента глубоко не осмыслены. Очевидно, что крайними являются как лишенные аналитизма бурные ностальгические эмоции, так и огульное отрицание достижений советской цивилизации. Важно, что догматическая политическая система, отшлифованные тоталитарным языком механизмы политического влияния на права и свободы граждан не выдержали конкуренции с константами исторически сложившейся национальной культуры. В ряду этих констант, как свидетельствует проведенный срезовой анализ, внутрисемейная близость, дружба, свобода слова, общий язык, литературоцентризм, право на персональный аксиологический выбор, способность к сопротивлению, преодоление бытовых трудностей духовными усилиями, единение людей, близких по духу. Актуальными сегодня являются задачи создания непротиворечивой типологии вербализованных национальных ценностей, а также разработка на ее основе эффективной государственной политики и немифологизированного проекта будущего России.

ИСТОЧНИК

1. Без очереди. Сцены советской жизни в рассказах современных писателей / сост. Елена Шубина, Дарья Сопрыкина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 521 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

2. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Москва : Гнозис, 2007. — 512 с. — Текст : непосредственный.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 895 с. — Текст : непосредственный.
4. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин. — Текст : непосредственный // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — С. 7—180. — Текст : непосредственный.
5. Гайда, С. Стиль как вызов / С. Гайда. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы стилистики. — 2016. — № 22. — С. 13—22.
6. Вайль, П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 368 с. — Текст : непосредственный.
7. Гюнтер, Х. Тоталитарное государство как синтез искусств / Х. Гюнтер. — Текст : непосредственный // Соцреалистический канон. Сборник статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — С. 7—15.
8. Димеши, Ж. «Ваш далекий незнакомый друг»: дружба по переписке между советскими и венгерскими подростками в 1970—1980-е годы / Ж. Димеши. — Текст : непосредственный // Человек советский: за и против. Homo soveticus: pro et contra : монография / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — С. 292—302.
9. Ильенко, С. Г. Три аспекта композиционно-стилистического анализа художественного текста / С. Г. Ильенко. — Текст : непосредственный // Русистика. Избранные труды / С. Г. Ильенко. — Санкт-Петербург : Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2003. — С. 495—509. — Текст : непосредственный.
10. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга, 1994. — Т. 3. — С. 384—560.
11. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — 275 с. — Текст : непосредственный.
12. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2010. — 351 с. — Текст : непосредственный.
13. Краус, Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция / Т. Краус. — Москва : Наука, 2011. — 394 с. — Текст : непосредственный.
14. Краус, Т. Размышления о советском человеке / Т. Краус. — Текст : непосредственный // Человек советский: за и против. Homo soveticus: pro et contra : моногр. / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — С. 18—31.
15. Куц, Л. Г. Клубы интернациональной дружбы как центры воспитания в опыте российской школы / Л. Г. Куц. — Текст : непосредственный // Человек и образование. — 2010. — № 2 (23). — С. 58—62.
16. Лебедева, Н. Б. Мемуары советского человека как моделирование мира советской эпохи / Н. Б. Лебедева. — Текст : непосредственный // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. — С. 192—214.
17. Марков, Б. В. Человек, история и память / Б. В. Марков. — Текст : непосредственный // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. — С. 22—36.
18. Михеев, М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX—XX) / М. Михеев. — Москва : Водолей, 2007. — 262 с. — Текст : непосредственный.
19. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с. — Текст : непосредственный.
20. Неклесса, А. Конец эпохи большого модерна / А. Неклесса. — Текст : непосредственный // Знамя. — 2000. — № 1. — С. 175—187.
21. Резанова, З. И. Мифологема «советский человек» в контекстах постперестроечной эпохи: переконструирование

мифа / З. И. Резанова. — Текст : непосредственный // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. — С. 110—126.

22. Русина, Ю. А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы / Ю. А. Русина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. — 204 с. — Текст : непосредственный.

23. Синявский, А. Д. Основы советской цивилизации / А. Д. Синявский. — Москва : Аграф, 2001. — 461 с. — Текст : непосредственный.

24. Солганик, Г. Я. Основы лингвистики речи / Г. Я. Солганик. — Москва : Издательство Московского университета, 2010. — 128 с. — Текст : непосредственный.

25. СРЯ = Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — Москва : Русский язык. — Т. 1, 1981 — 698 с.; т. 4, 1984. — 794 с. — Текст : непосредственный.

26. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2001. — 990 с. — Текст : непосредственный.

27. Сухих, И. Н. Русский канон: книги 20 века / И. Н. Сухих. — Москва : Время, 2013. — 864 с. — Текст : непосредственный.

28. ТСУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. С. Ушакова. — Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. — Т. 4. — 1500 с. — Текст : непосредственный.

29. Чередниченко, Т. В. Типология советской массовой культуры: между «Брежневым» и «Пугачевой» / Т. В. Чередниченко. — Москва : РИК «Культура», 1994. — 256 с. — Текст : непосредственный.

30. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

SOURCE

1. Shubina, E., & Soprykina, D. (Eds.). (2021). *Bez ocheredi. Stseny sovetskoy zhizni v rasskazakh sovremennykh pisateley* [No Queue. Scenes of Soviet Life in the Stories of Modern Writers]. Moscow: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 521 p. (In Russ.)

REFERENCES

2. Karasik, V. I., & Stermin, I. A. (2007). *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Moscow: Gnozis, 512 p. (In Russ.)

3. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 895 p. (In Russ.)

4. Bakhtin, M. M. (1979). *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti* [Author and character in aesthetic activity]. In M. M. Bakhtin, *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity] (pp. 7—180). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

5. Gajda, S. (2016). *Stil' kak vyzov* [Style as a challenge]. *Aktual'nye problemy stilistiki* [Actual problems of stylistics], 22, 13—22. (In Russ.)

6. Weil, P., & Genis, A. (2001). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. The World of the Soviet Man]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 368 p. (In Russ.)

7. Günther, H. (2000). The totalitarian state as a synthesis of the arts. In H. Günther, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socialist Realist Canon] (Collection of articles, 7—15). St. Petersburg: Akademicheskii projekt. (In Russ.)

8. Gyimesi, Z. (2021). «Vash dalekiy neznakomyy drug»: družba po perepiske mezhdru sovetskimi i vengerskimi podrostkami v 1970 — 1980-e gody [«Your Distant Unfamiliar Friend»: Penpal Friendship Between Soviet and Hungarian Teenagers in the 1970s — 1980s]. In Yu. V. Matveeva, & Yu. A. Rusina (Eds.), *Homo soveticus: pro et contra* (monograph, pp. 292—302). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)

9. Ilyenko, S. G. (2003). Tri aspekta kompozitsionno-stilisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta [Three aspects of the compositional and stylistic analysis of a literary text]. In S. G. Ilyenko, *Rusistika. Izbrannye trudy* [Russian Studies. Selected works] (pp. 495—509). St. Petersburg: Publishing House of Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russ.)

10. Ilyin, I. A. (1994). Put' k ochevidnosti [The path to evidence]. In I. A. Il'in, *Selected Works* (Vol. 3, pp. 384—560). Moscow: Russkaya kniga. (In Russ.)

11. Issers, O. S. (2021). *Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People say... Discursive practices of our time]. Omsk: Omsk State University Press, 275 p. (In Russ.)

12. Karasik, V. I. (2010). *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic Crystallization of Meaning]. Moscow: Gnozis, 351 p. (In Russ.)

13. Kraus, T. (2011). *Lenin. Sotsial'no-teoreticheskaya rekonstruktsiya* [Lenin. Socio-theoretical reconstruction]. Moscow: Nauka, 394 p. (In Russ.)

14. Kraus, T. (2021). *Razmyshleniya o sovetskom cheloveke* [Reflections on the Soviet man]. In Yu. V. Matveeva, & Yu. A. Rusina (Eds.), *Homo soveticus: pro et contra* (Monograph, pp. 18—31). Yekaterinburg: Ural State Univ. Publishing House. (In Russ.)

15. Kuts, L. G. (2010). Kluby internacional'noy družby kak tsentry vospitaniya v opyte rossiyskoy shkoly [Clubs of international friendship as centers of education in the experience of the Russian school]. *Man and education*, 2(23), 58—62. (In Russ.)

16. Lebedeva, N. B. (2011). *Memuary sovetskogo cheloveka kak modelirovanie mira sovetskoy epokhi* [Memoirs of a Soviet person as a simulation of the world of the Soviet era]. In Z. I. Rezanova (Ed.), *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet] (pp. 192—214). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russ.)

17. Markov, B. V. (2011). *Chelovek, istoriya i pamyat'* [Man, history and memory]. In Z. I. Rezanova (Ed.), *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet] (pp. 22—36). (In Russ.)

18. Mikheev, M. (2007). *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX—XX)* [Diary as an ego-text (Russia, XIX—XX)]. Moscow: Vodoley, 262 p. (In Russ.)

19. Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep'ii* [Explanatory Dictionary of the Language of Soviet Deputies]. St. Petersburg: Folio-Press, 704 p. (In Russ.)

20. Neklessa, A. (2000). *Konets epokhi bol'shogo moderna* [The end of the era of great modernity]. *Znaniya*, 1, 175—187. (In Russ.)

21. Rezanova, Z. I. (2011). Mifologema «sovetskiiy chelovek» v kontekstakh postperestroichnoy epokhi: perekonstruirovanie mifa [The mythologeme “Soviet man” in the context of the post-perestroika era: the reconstruction of the myth]. In Z. I. Rezanova (Ed.), *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet] (pp. 110—126). (In Russ.)

22. Rusina, Yu. A. (2019). *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by* [Samizdat in the USSR: texts and fates]. Yekaterinburg: Ural University Press, St. Petersburg: Aleteyya Publishing House, 204 p. (In Russ.)

23. Sinyavsky, A. D. (2001). *Osnovy sovetskoy tsivilizatsii* [Fundamentals of Soviet civilization]. Moscow: Agraph, 461 p. (In Russ.)

24. Solganik, G. Ya. (2010). *Osnovy lingvistiki rechi* [Fundamentals of speech linguistics]. Moscow: Moscow University Publishing House, 128 p. (In Russ.)

25. Evgenieva, A. P. (Ed.). (1981—1984). *Dictionary of the Russian language* (Vol. 1, 698 p., Vol. 4, 794 p.). Moscow: Publishing house «Russian language». (In Russ.)

26. Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii projekt, 990 p. (In Russ.)

27. Sukhikh, I. N. (2013). *Russkiy kanon: Knigi 20 veka* [Russian canon: Books of the 20th century]. Moscow: Time, 864 p. (In Russ.)

28. Ushakov, D. S. (1940). *Explanatory dictionary of the Russian language* (Vol. 4, 1500 p.). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. (In Russ.)

29. Cherednichenko, T. V. (1994). *Tipologiya sovetskoy massovoy kul'tury: Mezhdru «Brezhnevym» i «Pugachevoy»* [Typology of Soviet mass culture: Between “Brezhnev” and “Pugacheva”]. — Moscow: RIK «Kul'tura», 256 p. (In Russ.)

30. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] [A study guide]. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)